

МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Л.А.Микешина

Опыт постижения времени в логике и гуманитарном знании¹

Традиционная теория познания, следовавшая в своем развитии и функционировании образцам и критериям наиболее развитых естественных наук, в первую очередь физики, по существу, не вводила время, темпоральность в свой понятийный аппарат в эксплицитной форме. Время, историчность, прошлое, настоящее, будущее были объектом изучения в конкретных областях познания, но концептуальная гносеология отвлекалась от них и такой уровень абстракции, по крайней мере отвлечение от историзма, рассматривался необходимым для теории познания, изучающей объективно истинное, всеобщее и необходимое знание. Соответственно, рассмотрение чувственного и логического познания, категорий субъекта и объекта, природы истины и других проблем осуществлялось в *теории* познания, как правило, *без учета времени*. Это означало, что от всех временных признаков, свойств, определяемых временем, отвлекались, «очищая» познание еще со времен Декарта от всех изменяющихся, релятивных моментов. Изменение познания во времени рассматривали за пределами собственно теории познания, преимущественно в истории науки, истории философии или в антропологических исследованиях. Даже фундаментальные подходы к проблеме времени у Аристотеля и Канта не были оценены и не оставили существенного следа в традиционной гносеологии.

Сегодня, по мысли И.Пригожина и И.Стенгерс, происходит своего рода «концептуальная революция» — «наука вновь открывает для себя время». По-видимому, противопоставление «двух культур» в большой мере имеет своим основанием вне-

временной подход классической науки и ориентированный во времени подход социальных и гуманитарных наук². Изменение отношения к роли и смыслам времени ставит и перед эпистемологией задачу заново освоить понятие времени в контексте новых представлений о познании. Конкретный шаг в этом направлении — стремление учесть то, что уже было сделано, в частности, в логике, отказавшейся от статики и обращающейся к человеческому поведению и поступкам, а также в сфере методологии гуманитарного знания и близкому к нему опыту герменевтики.

Опыт концептуального анализа времени в логике. Не претендуя на полноту столь объемной темы, отмечу лишь то, что представляется значимым для современной теории познания, если она стремится учесть темпоральные предпосылки и основания знания и познавательной деятельности. По существу именно логики, прежде всего А.Прайор и Г.фон Вригт, стремясь рационально понять гуманитарную область и «логику человеческих действий», значение «человеческого фактора», присутствующего и в естественных науках, обратились к темпоральной логике. Обсуждение времени из традиционной естественнонаучной сферы перешло на более общий уровень, отвлекающийся от «физикализма» в трактовке времени и обязательного единства с пространством. Была осознана необходимость учесть особенности существования времени в контексте человеческих поступков, деятельности, истории, что обычно игнорировалось, но при введении параметра времени в теорию **человеческого** познания должно быть принято во внимание. В отечественной логике проблемами темпоральных систем и временной логики занимались А.А.Ивин, Л.И.Мчедlishvili, В.Н.Костюк, а также В.А.Смирнов и его ученики А.С.Карпенко, А.М.Анисов и В.М.Попов. Проблема истинности для «овремененных» высказываний исследовалась в работах Е.Д.Смирновой, А.С.Карпенко, В.Г.Гладких.

Известна работа В.А.Смирнова «Логические системы с модальными временными операторами», а также его аналитическое предисловие к избранным трудам Г.фон Вригта, где анализ человеческого действия является одним из центральных, а идеи темпоральной логики получили достойное освещение³. Заслугу финского логика и философа при разработке временной логики Смирнов видит прежде всего в том, что им осуществлены дальнейшее обогащение, развитие понятийного

аппарата и в статическую витгенштейновскую модель введена динамика, необходимая для описания человеческих поступков, норм, имеющих временной характер. Положительно оценивается опыт Вригта в работе «И следующее», в которой он предлагает отказать при особо трудном концептуальном анализе от условий непрерывности времени и принять более простую модель, где представлено линейное дискретное время, а каждый момент имеет только один непосредственно за ним следующий. Это позволяет не только моментам времени соотнести положение дел, но и «ввести динамическое понятие истории», под которой на метауровне понимается функция, сопоставляющая каждому моменту времени некоторое «полное состояние» (возможный мир). Эти возможные миры могут быть описаны в соответствующих логических системах с оператором T (или σ), позволяющем применить каузальный анализ, описать историю в объектном языке и изменение хода истории в связи с вмешательством человека. Учитывается также, что независимо от человека, система, на которую он воздействует, имеет свою собственную историю и вне воздействия происходит смена одного полного состояния (возможного мира) другим. Вригт выделяет две точки зрения, с которых логик изучает время: это порядок темпоральных событий и природа временной субстанции. В первом случае ставится вопрос: является ли темпоральный порядок линейным или же круговым, возвращающимся к исходной точке; во втором — является ли время дискретным или бесконечно делимым и, возможно, непрерывным. Следуя Аристотелю, Вригт приходит к выводу, что продолжительность вторична по отношению к темпоральной последовательности, которая, в свою очередь, вторична по отношению к изменению⁴.

Смирнов обращает внимание на то, что аристотелевская проблема истолкования будущих случайных событий оказывается в центре внимания многих логиков, исследующих темпоральность. Именно этой проблеме посвящена работа А.С.Карпенко о фатализме и случайности будущего, в которой осуществлен логико-философский анализ взаимоотношений между истиной, временем и необходимостью. Дискуссии об этом идут уже третье тысячелетие и оказались весьма актуальными сегодня, поскольку по-прежнему значимы и не решаемы однозначно такие вопросы,

как истинностный статус высказываний о будущем и будущих случайных событиях, асимметрия времени и способы ее выражения в логической форме, принцип неизменяемости прошлого, взаимосвязь прошлого с будущим и другие. Мне представляется, что эти же проблемы должны стоять и перед эпистемологом, если он размышляет о времени и познании, поэтому столь важно посмотреть как ставились эти проблемы в логике.

Прежде всего важны полученные Карпенко логико-философские следствия из анализа огромного массива работ, посвященных проблемам, неоднозначно поставленным Аристотелем в 9-й главе трактата «Об истолковании» («De Interpretatione 9»)⁵. Исследуя высказывания о *будущем*, древнегреческий философ формулирует свою точку зрения на отношение между истиной и временем. Не обсуждая всей сложной проблематики, связанной с фаталистическими аргументами, приведу идеи, наиболее значимые для понимания проблемы «время и познание». Это проблема совместимости истинности высказывания со случайностью события, описываемого этим высказыванием. Для высказывания о будущих случайностях и его отрицания заранее не установлено, которое будет истинным и которое будет ложным (принцип логической бивалентности). Возрождение Я. Лукасевичем дискуссии о будущих случайных событиях связывают с новым этапом в развитии логики, о чем говорит постановка новых проблем, в частности, несовпадение истинности и верифицируемости (Ч. Бейлис, К. Дукас); особенности вневременного понимания истины (У. Куайн, Д. Вильямс), «эмансипация от рабства времени» (Б. Рассел), основанные на том, что все события — прошлые, настоящие, будущие — одинаково реальны и могут быть полностью описаны вневременными истинными или ложными высказываниями. К этим проблемам примыкает продолжающаяся с начала века дискуссия о парадоксе Дж. Мак-Таггарта, выявившего два фундаментально различных способа осознания нами времени: динамического, различающего прошлое, настоящее, будущее и становление во времени, и статического, выделяющего отношение «раньше (позже) чем» по отношению к тем же самым событиям, которые осознаются как данные, а не становящиеся. Парадоксальность состоит в несовместимости этих двух способов видения времени, возникает мысль о нереальности, иллюзорности времени. Эти и другие фундаментальные аспекты

проблемы «познание и время», анализируемые Карпенко в первой главе, представляют богатство идей, не освоенных гносеологами и даже, как мне представляется, игнорируемых ими.

Интересно, что сам Карпенко считает главной вторую главу, где исследование завершается установлением прямой связи обсуждаемых темпоральных проблем с социальными вопросами современности, что может даже привести к «логико-философскому пониманию тоталитаризма и тоталитарного мышления»⁶. Такое синтетическое видение и решение проблемы почти не встречается в эпистемологии, возможно, в какой-то мере оно представлено в известной дискуссии о позитивизме К.Поппера и Т.Адорно и их последователями, где характер «критической традиции» рассматривался представителями франкфуртской школы в зависимости от либерального или репрессивного, тоталитарного типа общества⁷. Для теории познания значим сам опыт рассмотрения познавательной деятельности в единстве логико-гносеологического и социокультурного, ценностного подходов, содержащих в себе также временные параметры, а не в отвлечение от них.

Ряд важных для эпистемологии идей содержится в исследовании А.М.Анисова «Время и компьютер», снабженном подзаголовком «Негеометрический образ времени»⁸, что предполагает критическое осмысление тесно связанного с пространством образа времени как прямой линии и разработку иной модели — темпоральности компьютера как динамического универсума, не сводящего время к одному из свойств пространства. Этот подход мне представляется весьма значимым для нового понимания природы времени в философии в целом, в теории познания в частности, поскольку дает возможность обнаружить зависимость понимания онтологии времени от познавательных моделей и, хотя бы отчасти, преодолеть классические стереотипы отождествления времени с частными представлениями о нем. Осознается также некорректность заявления некоторых ученых, что только физика дает объяснение объективности времени и что вообще проблемы философии времени — это философские проблемы физики, поскольку именно она описывает свойства «времени как такового». Однако физический анализ не затрагивает такие проблемы, как соотношение объективного и субъективного времени, реальность существования прошлого и будущего, становления во времени, человеческого бытия во времени и другие. Поэтому при анализе категории времени важны дан-

ные и других наук, а также литературы, искусства, общекультурных знаний и обыденного сознания. Автор стремится показать, что интуитивное восприятие времени и его теоретическое описание не только не противоречат, но и дополняют друг друга; что нельзя пренебрегать данными восприятия, если существуют логические трудности в объяснении времени. Физикализм столь глубоко укоренен в представлениях о времени, что остается как бы незамеченным целое направление в изучении объективного времени — это историческое время, или время, обнаруживаемое в сфере исторического знания. Речь должна идти не о разных временах — физическом и историческом, но о разных концепциях времени, в частности, статической и динамической. Для осознания ситуации в теории познания мне представляются значимыми соображения Анисова о том, что, если в той или иной области знаний время не является целью исследования, то чаще всего оно присутствует как неявная предпосылка в виде упрощенных, редуцированных темпоральных конструкций или «овремененных» понятий. Это говорит о том, как мне представляется, что многие науки, принимая факт существования времени, не озабочены тем, чтобы выяснить, как этот факт (или полное отвлечение от него) влияет на содержание и истинность знания. Более того, отвлечение от темпоральных характеристик явления, от историзма часто рассматривается как условие объективной истинности, преодоления релятивизма. Таким образом, отсутствие или неудовлетворительность логико-методологических и гносеологических моделей и средств познания и интерпретации темпоральности приводит к искажению онтологии времени, недооценке фундаментальности этого фактора в различных сферах познания. В этом контексте значение логических и логико-философских исследований темпоральных систем и явлений, в частности работ В.А.Смирнова и его учеников, существенно возрастает, а полученные ими теоретические результаты должны лечь в основание дальнейшего исследования проблемы «познание и время».

Опыт гуманитарного видения времени: М.Бахтин. Стремление Прайора, Вригта, отечественных логиков рационально понять гуманитарную область, «логику человеческих действий», значение «человеческого фактора» в знании и в связи с этим обращение к временной логике роднит их стремления с по-

иском гуманитариев. Ныне ставший всемирно известным филолог и философ М.Бахтин оставил интереснейшие идеи о времени, человеке и культуре, а также об особом сочетании времени и пространства — хронотопе в художественном видении и текстах. Зная идеи И.Канта, А.Бергсона, Г.Когена, а также, можно предположить, герменевтиков о времени, Бахтин тем не менее ищет и находит *свое* видение пространства и времени, которое несомненно значимо для современного понимания природы темпоральности и пространственности в познании. Отметим наиболее важные прозрения мыслителя, которые могли бы быть развернуты в ряд специальных исследовательских программ.

Еще в 20-х годах при критическом осмыслении теоретизма в разрабатываемой им «философии поступка» Бахтин исходит из того, что вневременная значимость теоретического мира целиком вмещается в действительную историчность бытия-события. Действительный акт познания совершается не изнутри этого абстрактного мира, но как ответственный поступок, приобщающий вневременную значимость единственному бытию-событию и тем самым вписывающий его в конкретное время. Вместо физических характеристик и традиционного противопоставления «субъект-объект», ставшего главным «маркером» традиционного гносеологизма, перед нами открываются принципиально иные представления о взаимоположенности человека и мира. Бахтин соединяет участное поступающее сознание и «все мыслимые пространственные и временные отношения» в единый центр — «архитектоническое целое» и оказывается, что активное «единственное место» индивида не является только отвлеченно-геометрическим центром, но предстает как ответственное эмоционально-волевое конкретное многообразие мира, в котором пространственный и временной моменты — это действительное единственное место и действительный неповторимый исторический день и час свершения⁹.

Эти идеи близки герменевтике, опыт которой имеет особую значимость для понимания в теории познания природы времени и способов его описания. Время осмысливается здесь в различных ипостасях: как темпоральность жизни, как роль временной дистанции между автором (текстом) и интерпретатором, как параметр «исторического разума», элемент биографического метода, компонента традиции и обновляющихся смыслов, образцов. Традиционно герменевтическая тема — биография и автобиография (в частности у Дильтея), связывающая по-свое-

му жизнь и время в их ценностно-смысловом единстве, находит свой вариант решения и у Бахтина, хотя рассматривается она в контексте автора и героя эстетической деятельности, либо в исторической поэтике, теории романа. Бахтин осмысливает биографию в идеях ответственно поступающего мышления и в таком случае она предстает не как произведение, а как «эстетизованный, органический и наивный поступок». Он показывает, что в разных типах биографий – «публичной овнешненности человека» – время представлено по-разному: временной тип – время раскрытия характера через изображение поступков, но не время становления и роста человека (Плутарх); аналитический, или систематический тип – *разновременные* события для характеристики черт и свойств характера (Светоний)¹⁰.

Вопрос о биографическом времени Бахтин обсуждает также в связи с автобиографическими работами И. Гете, который, наряду с Ф. Достоевским и Ф. Рабле, был третьим героем бахтинского творчества, причем наиболее тесно связанным с проблематикой пространства и времени. Изображая события, эпоху, конкретных деятелей, Гете сознательно сочетал воспоминания, точку зрения прошлого с событиями, современными его работе над биографией. Бахтин подчеркивает, что для Гете важно не только воспроизводить мир своего прошлого в свете осмысленных представлений настоящего, но и само прошлое понимание этого мира, которое столь же значимо, как и объективный мир прошлого. Гете, по выражению Бахтина, обладал «исключительной хронотопичностью видения и мышления», хотя умение видеть время в пространстве, в природе отмечалось Бахтиным также у О. Бальзака, Ж.-Ж. Руссо и Вальтера Скотта. Он по-особому прочитал гетевские тексты. На первое место поставил его «умение *видеть время*»; идеи о зримой форме времени в пространстве; о полноте времени как синхронизме, сосуществовании времен в одной точке пространства, например, в тысячелетнем Риме «великом хронотопе человеческой истории». Вслед за Гете он подчеркивал, что само *прошлое* должно быть *творческим*, т.е. *действенным в настоящем*; видел, что Гете «разносил рядом лежащее в *пространстве* по разным *временным* ступеням», раскрывал современность одновременно как разновременность – остатки прошлого и зачатки будущего; размышлял о бытовых и национальных особенностях «чувства времени»¹¹.

Из бахтинского рассмотрения работ Гете непосредственно следует проблема бытийно-событийного понимания пространства и времени (в отличие от физических представлений), рассмотренная в связи с собственно человеческой способностью видения времени в пространственных формах, что предполагает не естественнонаучное, физическое, а гуманитарно-антропологическое, ценностное и культурно-смысловое понимание этих форм. Такой поворот, предполагающий ряд новых программ исследования, может рассматриваться как один из возможных опытов освоения пространства-времени в современной эпистемологии.

Одна из конкретных программ, начало которой положил сам Бахтин, создавая историческую поэтику, — это переосмысление категорий пространства и времени в гуманитарном контексте и введение понятия хронотопа как конкретного единства пространственно-временных характеристик для конкретной ситуации. Как известно, разработка этой программы, как и самого понятия, продолжается сегодня, в частности, в наиболее значимых исследованиях американских ученых М.Холквиста, Г.С.Морсона и К.Эмерсон¹². Бахтин оставил своего рода модель анализа темпоральных и пространственных отношений и способов их «введения» в художественные и литературоведческие тексты, что может послужить образцом, в частности, и для исследования когнитивных текстов. Следует отметить, что, взяв термин «хронотоп» из естественнонаучных текстов А.А.Ухтомского, Бахтин не ограничился натуралистическим представлением о хронотопе как физическом единстве, целостности времени и пространства, но наполнил его также гуманистическими, культурно-историческими и ценностными смыслами. Он стремится обосновать совпадения и несовпадения понимания времени и пространства в систематической философии и при введении им «художественного хронотопа». Принимая кантовскую оценку значения пространства и времени как необходимых форм всякого познания, Бахтин в отличие от Канта понимает их не как «трансцендентальные», а как «формы самой реальной действительности». Он стремится раскрыть роль этих форм в процессе художественного познания, «художественного видения». Обосновывая также необходимость единого термина, Бахтин объясняет, что в «художественном хронотопе» происходит «пересечение рядов и слияние примет» — «время здесь сгущается, уплотняет

ся, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»¹³. При характеристике раблезианского хронотопа время для него «глубоко пространственно и конкретно»; оно «как бы вливается в пространство и течет по нему» (хронотоп дороги)¹⁴. Вместе с тем, отмечая такой «взаимообмен» приметами, Бахтин совершенно определенно считает, что симметрия этих форм (при их единстве) необязательна для художественной реальности, так как время — «ведущее начало в хронотопе» — и главной для него как исследователя предстала именно проблема времени.

Итак, зная из естествознания, в частности из трудов А.Эйнштейна, о единстве, Бахтин, вопреки научному и философскому стереотипу, следует за объектом исследования — художественной и культурно-исторической реальностью, настаивая на ведущей роли времени. Здесь видится определенное сходство с идеями Бергсона, который, исследуя особенности представления времени как длительности, заметил, что мы, «привыкшие к идее пространства, даже преследуемые ею», бессознательно «проецируем время в пространство, выражаем длительность в терминах протяженности, а последовательность выступает у нас в форме непрерывной линии или цепи»¹⁵. Бергсон рассматривает время-длительность как самодостаточный, целостный и одновременно незавершенный процесс — главное основание человеческого бытия, истории и культуры. И так же ведущую роль времени, хотя и по другим соображениям, неоднократно подчеркивает Бахтин, и так же, например, замечает, говоря о хронотопичности внутренней формы слова как «опосредующем признаке, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)»¹⁶. В целом размышления над текстами Бахтина о формах времени и пространства в художественных и гуманитарных текстах приводят к мысли о возможности превращения хронотопа в универсальную, фундаментальную категорию, которая может стать одним из принципиально новых оснований эпистемологии, до сих пор в полной мере не освоившей и даже избегающей конкретных пространственно-временных характеристик знания и познавательной деятельности.

В целом становится очевидным, что преодоление физикализма в понимании времени, его специфического сочетания с пространством в эпистемологических текстах в определенной степени уже подготовлено логико-методологическими и гуманитарно-философскими исследованиями этой проблемы.

-
- ¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04126).
 - ² **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 35.
 - ³ **Смирнов В.А.** Логические системы с модальными временными операторами // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М., 1984; **Вригт Г.Х. фон.** Логико-философские исследования. Избр. тр. Сост., соред. и автор предисл. В.А.Смирнов.
 - ⁴ **Вригт Г.Х. фон.** Время, изменение и противоречие // **Вригт Г.Х. фон.** Логико-философские исследования. Избр. тр. С. 518, 525.
 - ⁵ **Аристотель.** Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 99-102.
 - ⁶ **Карпенко А.С.** Фатализм и случайность будущего: логический анализ. М., 1990. Гл. вторая.
 - ⁷ **Руткевич А.М.** Спор о позитивизме в немецкой социологии // Вопр. философии. 1992. № 10.
 - ⁸ **Анисов А.М.** Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 1991.
 - ⁹ **Бахтин М.М.** К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С. 89, 116, 124-125.
 - ¹⁰ **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 153, 176-180.
 - ¹¹ Там же. С. 220, 223
 - ¹² **Holquist M.** Dialogism. Bakhtin and his world. L.; N.Y. 1990; **Morson G.S., Emerson C.** Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Californ., 1990.
 - ¹³ **Бахтин М.М.** Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 121-122.
 - ¹⁴ Там же. С. 241, 246.
 - ¹⁵ **Бергсон А.** Собр. соч. Т.1. М., 1992. С. 93.
 - ¹⁶ **Бахтин М.М.** Литературно-критические статьи. С. 283.